

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Russkaya Starina
 Has been issued since 2010.
 E-ISSN: 2409-2118
 2022. 13(2): 57-77

DOI: 10.13187/rs.2022.2.57
<https://rs.cherkasgu.press>

Articles

The Role of the Tsaritsyn Line in the History of the Kalmyks

Evgeny V. Astaf'ev ^{a, b, *}

^a Volgograd State University, Russian Federation

^b Tsaritsyn genealogical society, Russian Federation

Abstract

The article deals with the history of relations between the Russian population and nomadic peoples in the Middle and Lower Volga regions in the 1720–1770s. Particular attention is paid to relations with the Kalmyk people and the participation of the Russian government in their internal political life. It is studied the experience of using in these relations of the Tsaritsyn guard line, built in 1718–1720 by decree of Peter I between the Volga and Don rivers in order to stop the raids of the Crimean and Kuban Tatars on Russian territories, as a powerful political tool, as well as its role in the life and fate of the Kalmyks and other nomadic peoples who traditionally used the interfluvium of the Volga and Don for their nomadic pastures. On the basis of an array of studied archival documents (official correspondence between the Russian administration and the Kalmyk khans and owners, reports of officials of the Kalmyk affairs, officers of dragoon regiments serving on the line, and a number of other documents), introduced into scientific circulation for the first time, the practice of Kalmyk nomad camps in Russian territories under the protection of the Tsaritsyn line is examined. It is provided the information on the numerous facts of thefts, robberies and murders of the civilian population, both by “thieves” Kalmyks who illegally penetrated into Russian territories, and by the dependent Kalmyks, officially allowed to roam “inside” the Tsaritsyn line. Based on the analysis of the identified documents, the author drew up a plan of the boundaries of the territories allowed for the Kalmyk nomad camps, and also determined the places of most outposts located along the borders of the nomad camps, where the city Cossacks from the Kalmyk affairs team, Don and Volga Cossacks and Cossacks of the Sloboda regiments served at different periods of time.

Keywords: Tsaritsyn line, outposts, city Cossacks, Don Cossacks, Volga Cossacks, Cossacks of the Sloboda regiments, Kalmyks, Kuban Tatars, Crimean Tatars, Kirghiz-Kaisaks, Bashkirs, Khan Ayuka, Khansha Darma-Bala, Khan Cheren-Donduk, Khan Donduk-Ombo.

1. Введение

В конце XVII – начале XVIII вв. между русскими властями и калмыцкими ханами был заключен целый ряд официальных договоров, согласно которым калмыки являлись российскими союзниками и даже периодически выставляли необходимое число воинов для различных походов. Несмотря на это, калмыки не могли полностью отказаться от

* Corresponding author

E-mail addresses: info@gen-volga.ru (E.V. Astaf'ev)

нападений и грабежей на подконтрольных России территориях, хотя в значительной мере сократили их масштабы. Даже в период строительства Царицынской линии, когда в Понизовье было сосредоточено достаточно много российских войск, калмыки спокойно переправлялись на правую сторону Волги и нападали на любого, кто не имел достаточной охраны или сопровождения. В качестве иллюстрации можно привести выдержку из показаний капитана Н.Н. Тютчева: в сентябре 1719 г. «между Саратовом и Камышенкою напали на него в степи разбоем воровские калмыки десять человек и ранили его в шести местах, а именно в живот ниже пупа, да под правую титьку два раза, в правую руку три раза, от которых ран и ныне еще едва жив, а как оные калмыки на него напали, в то время был при нем только один капрал той же роты, который также вельми местах ранен и был жив месяца с четыре и умре, а умертвить оным калмыкам не дались, обороняясь через великую мочь ружьем» ([Офицерские сказки, 2015: 164](#)).

Кроме того, постоянные междоусобицы, происходившие между калмыцкими владельцами, зачастую мешали им в полной мере соблюдать подписанные договоренности. Даже хан Аюка, преследуя свои интересы, по оценке калмыцких историков, неоднократно нарушал принятые на себя обязательства. В частности, он приложил руку к гибели Хивинской экспедиции князя Александра Бековича-Черкасского, был осведомлен, что в 1717 г. отряд калмыков численностью в 170-200 всадников принял участие в печально известном крымско-кубанском набеге на российские территории, а в 1722 г. во время Персидского похода хан отправил в составе калмыцкого отряда, снаряженного им в помощь войску Петра I, переодетого ногай, который должен был доложить кубанскому сераскиру Бахта-Гирею Дели Султану о передвижении правительственных войск ([Бакунин, 1995: 31, 36](#); [Батмаев, 1995: 9](#); [Бичурин, 1991: 92-93](#); [Пальмов, 2007: 122](#); [Тепкеев, 2018: 276, 280, 298, 315](#)).

Существует мнение, что Царицынская линия, построенная в 1720 г. для охраны южных территорий Российского государства, значительно сокращала площади калмыцких кочевий ([Ходарковский, 2019: 207](#); [Цюрюмов, 2007: 174](#); [Цюрюмов, 2021: 30](#)). Однако эта же линия зачастую становилась надежной защитой и для самих калмыков, нередко находивших внутри или даже просто вблизи нее убежище от многочисленных нападений недружественных племен и внутренних усобиц. В действительности главной целью строительства Царицынской линии было предотвращение набегов крымских и кубанских татар на российские территории. Дополнительно со стороны Волги доступ на территории Волго-Донского междуречья был перекрыт форпостами Астраханской линии, учрежденной в 1720 г. именным указом Петра I вдоль реки Волги на протяжении её течения от Самары до Астрахани в первую очередь для сдерживания киргиз-кайсаков, каракалпаков, кочевых башкир и недопущения их переправы на «нагорную» сторону ([НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 436, 458. Д. 197. Л. 61-62](#); [Курышев, 2011: 18](#)). Места расположения форпостов, частота разъездов между ними, а также состав дежуривших на них войск неоднократно менялись. В разное время службу на этих форпостах несли части армейских драгунских полков, казаки слободских полков, Волжского и Донского казачьих войск, городовые казаки команды калмыцких дел, драгуны полков Астраханского гарнизона и др. ([РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 93. Л. 198-202](#); [НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 197. Л. 15, 18об., 42, 61-62](#); [Астафьев, 2020: 55](#); [Плешаков, Васильева, 2019: 27](#) и др.).

Калмыки были единственными, кто с разрешения российского правительства имел возможность с весны до осени кочевать «внутри» Царицынской линии, используя свои старые маршруты. В зимнее время кочевье в этой местности было исключено из-за обилия снега и низких температур. Государственной военной коллегией даже напрямую обсуждался вопрос зимнего нахождения калмыков выше Царицынской линии в связи с необходимостью постоянной защиты ханских улусов от нападений: «внутри линии чрез зиму содержать потому ж невозможно и скот от вытравления кормов весь повалится отчего и сами калмыки будут помирать или при нужде будут все разбегаться». Поэтому все кочевья «внутри» линии заканчивались осенью: «понеже оным в той линии за морозами со скоты далее октября пробыть никак невозможно» ([НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 6-7, 55](#)). Согласно вальдмейстерской инструкции от 3 декабря 1723 г., калмыкам ханских улусов в местах разрешенных кочевий дозволялось даже рубить лес ([ПСЗРИ. Т. VIII, 1830: № 6048](#)). Доступ на российские территории был закрыт только для «воровских» калмыков, которые оказывались за линией без ведома калмыцких владельцев, угоняли скот, грабили, убивали

оседлое население. Кроме того, линия неоднократно служила для безопасного приема калмыцких делегаций, проведения переговоров и прочих подобных мероприятий, то есть успешно использовалась обеими сторонам еще и в политических целях.

Вместе с тем российское правительство старалось контролировать и ограничивать нежелательные перемещения и в особенности возможные откочевки калмыков. Например, в начале 1729 г. состоящим при калмыцких делах Василием Пахомовичем Беклемишевым были получены сведения о намерениях некоторых калмыцких владельцев переправиться через Дон и уйти «в турецкую область» (т.е. на Кубань). Поэтому в феврале этого года по распоряжению генерал-фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына для усиления контроля над территориями ниже линии и недопущения ухода калмыков «меж тражемента¹ Царицынской линии» было размещено несколько команд, приведены в готовность и перемещены ближе к линии драгунские полки². Двумя годами позднее кочевавшие на российских территориях калмыки пытались перейти через Царицынскую линию и откочевать за Дон. Эта попытка также была пресечена стоявшими на линии драгунами и донскими казаками (Курышев, 2011: 16). Естественно, в районе южных кочевий и на границе с Кубанской областью такой контроль был гораздо более затруднителен, поэтому там свобода перемещений калмыцких улусов зависела лишь от текущих взаимоотношений с кубанцами или возможной опасности грабежей со стороны донских казаков.

2. Материалы и методы

Основными материалами для настоящей статьи послужили документы фонда № Ф-36 (Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе) Национального архива Республики Калмыкия (НАРК), большинство из которых до настоящего времени не вводилось в научный оборот. Среди опубликованных научных работ мы опирались на труды В.М. Бакунина (Бакунин, 1995), А.В. Цюрюмова (Цюрюмов, 2007; Цюрюмов, 2021), В.Т. Тепкеева (Тепкеев, 2018), М.М. Батмаева (Батмаев, 1995), А.В. Курышева (Курышев, 2011), У.Э. Эрдниева, К.Н. Максимова (Эрдниев, 1985; Эрдниев, Максимов, 2007), А.Г. Митирова (Митиров, 1998) и др. Кроме того, в работе над статьей мы неоднократно обращались к текстам указов и других основополагающих документов исследуемого периода, опубликованных в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ).

В работе были использованы общенаучные методы логического анализа, синхронный метод исследования, ориентированный на выявление взаимосвязей между различными событиями. Главное внимание было уделено анализу текстов источников, структуризации и систематизации выявленной информации, ее корреляции с уже опубликованной информацией по исследуемому периоду, дальнейшим результатом явилось логическое переосмысление исследуемой темы в свете новых фактов.

3. Обсуждение и результаты

Впервые возможность пропуска калмыков за Царицынскую линию рассматривалась в начале 1724 г. в связи с ожидавшимся нападением на них кубанских татар (Клейтман, 2021: 904; Тепкеев, 2018: 340; Цюрюмов, 2021: 42). После смерти хана Аюки в феврале 1724 г. ситуация в Калмыцком ханстве усугубилась опасностью усобицы между его многочисленными наследниками (Тепкеев, 2018: 337-338). В марте 1724 г. вдова хана Аюки Дарма-Бала несколько раз обращалась к российскому правительству с просьбой в случае необходимости пропустить ее с улусами за Царицынскую линию под охрану российских войск (для несения службы на линии и на участке Дона (как продолжении линии) были назначены четыре драгунских полка и 2 тыс. донских казаков), и уже в конце марта такое разрешение было получено (Т.И. и Ю.М. Лавриновы ошибочно полагали, что это

¹ Ретрашемент – внутренние оборонительные укрепления.

² Постоянно находиться на линии драгунам было экономически неоправданно: генерал-лейтенант Ф.Г. Чекин по этому поводу неоднократно жаловался, что «в тех местах в содержании команд провиантом и фуражом обстоит великая нужда», поэтому значительная часть их дислоцировалась севернее линии, где эта проблема стояла не так остро. Принцип расквартирования драгунских полков в верховых казачьих городках, а не непосредственно вдоль линии, отмечал в своем исследовании и А.В. Курышев (Курышев, 2011: 17).

произошло лишь в 1725 г. (Лавринова, Лавринов, 2000: 76-78)). Одновременно с этим разрешением капитану В.П. Беклемишеву предписывалось «старания прилагать и смотря того, дабы по смерти ханской между его, Аюкиными, детьми, и внучаты и тамошними владельцы каких явных ссор не произошло, и чтоб Аюкина жена за кого не вышла, и сами б они кого обрали в ханы» (Тепкеев, 2018: 340-341).

Влиятельные калмыцкие владельцы после смерти хана разделились на несколько групп, одни из которых тяготели к крымскому хану, другие – к российскому престолу. Со временем наследники начали враждовать и воевать друг с другом, создавая различные политические коалиции. Усилия российского правительства, которому на юге растущего государства была удобна и экономически выгодна торговля с калмыками, являвшимися поставщиками мяса, шкур и другой животноводческой продукции по относительно низким ценам, были направлены на примирение враждующих сторон при усилении наиболее пророссийски настроенных представителей калмыцкой элиты. В 1724 г. улусы ханши Дарма-Балы и ряда других калмыцких владельцев имели возможность кочевать под защитой Царицынской линии с марта по ноябрь. Для исключения возможных столкновений, связанных с борьбой за власть и спорами о наследстве, улусы всех владельцев, допущенных на российские территории, кочевали в отдалении друг от друга по обоим берегам р. Медведицы (Митиров, 1998: 136): на севере, ближе к истоку – Яман¹, южнее него Шакур-лама (верховный лама Калмыцкого ханства, наставник Черен-Дондука и один из сторонников российского престола, игравший важную роль в российско-калмыцких отношениях), затем Черен-Дондук (Церен-Дондук)², Дарма-Бала, Дондук-Даши (Дондук-Дайши)³, Бату⁴, и, южнее всех, ближе к Дону – Дондук-Омбо⁵. В сентябре 1724 г. основные наследники хана Аюки (Черен-Дондук, Дондук-Омбо и Дондук-Даши) вместе с прочими владельцами и зайсангами принесли присягу на верность российскому престолу (ПСЗРИ. Т. VII, 1830: № 4576). В феврале 1725 г., вскоре после смерти Петра I, указом императрицы Екатерины I сын хана Аюки Черен-Дондук был провозглашен наместником Калмыцкого ханства, как это и планировал сам Аюка (ПСЗРИ. Т. VII, 1830: № 4660; Эрдниев, Максимов, 2007: 134).

В марте 1725 г. несколько калмыцких владельцев были приглашены за линию уже самими представителями российской администрации с целью проведения переговоров. Астраханский губернатор Артемий Петрович Вольтер поручил царицынскому дворянскому сыну и переводчику калмыцких дел Василию Михайловичу Бакунину договориться о прикочевании к Царицыну под охрану линии калмыцких владельцев Дасанга⁶ с его братьями Нитар Доржи и Петром Тайшиным⁷ (к тому времени уже принявшим православие, к большому неудовольствию братьев). Этот визит имел весьма плачевные последствия. Отличавшийся вспыльчивостью и недоверчивостью Нитар Доржи, перекочевав за линию, начал паниковать и подозревать, что его заманили в ловушку. Он пытался убить сначала собственного брата Петра Тайшина⁸, затем «заманившего» его В.М. Бакунина и в своем безумии даже планировал напасть на губернатора А.П. Вольтера. Посланный на его поимку отряд перебил часть его подданных, часть взял в плен, но самому Нитар Доржи удалось бежать и укрыться в улусах Дасанга. Проведенное вслед за этим расследование выявило, что визит Нитар-Доржи обернулся для принимающей стороны

¹ Эркетеневский зайсанг состоял первым зайсангом при хане Аюке (зайсанг – родовой, наследный старшина калмыцкий и монгольский (Даль, 1863: 520)).

² Сын хана Аюки от Дарма-Балы.

³ Внук хана Аюки от его старшего сына Чакдорджаба (Чакдор-Чжаба, Чакдорджапа), умершего в 1722 г.

⁴ Внук хана Аюки, старший сын Чакдорджаба.

⁵ Внук хана Аюки от его сына Гуньчджаба (Гун-Джапа, Гунжепа).

⁶ Внук хана Аюки от его старшего сына Чакдорджаба.

⁷ До крещения – Баксадай-Дорджи.

⁸ Чему, собственно, Петр Тайшин сам и был виной, поскольку, вдохновившись своим новым статусом, начал стращать братьев и хвастать перед ними, будто бы, приняв крещение, он сделался настолько важной персоной, что получил некий императорский указ, согласно которому российское правительство будет помогать ему войсками «изо всех волжских городов и с Дону... сколько когда он потребует», а то и вовсе объявит его ханом, чем настроил против себя как собственных братьев, так и многих других владельцев (Митиров, 1998: 138-139).

немалой кровью: тот, «едучи от Царицына, близ слободы Тишанки заколол русских шесть человек, да по донским городкам на пашнях и в лесах многих мужеска полу колол, а женска, в том числе и сущих младенцев, пересквернил и лошадей и скот отгонял, где сколько найти мог, также многих и из калмык¹ побивал до смерти». Опасаясь возмездия, владделец Дасанга летом того же года распорядился удавить своего брата Нитар Доржи и отправил его тело к губернатору А.П. Вольнскому с раскаянием (Бакунин, 1995: 50-54; Митиров, 1998: 139-143).

Однако если о положении в Калмыцком ханстве после смерти хана Аюки, дозволении части калмыков в 1724 г. кочевать за Царицынской линией и неудачном проведении переговоров в 1725 г. уже упоминалось в исторической литературе (см. например: Бакунин, 1995; Клейтман, 2021; Лавринова, 1987; Тепкеев, 2018 и др.), то о последующей практике такого использования линии до сих пор не проводилось специальных исследований.

Границы территорий выше Царицынской линии, отведенные российским правительством для возможных кочевий калмыков, были весьма значительными. С востока эти границы проходили по Волге и простирались более, чем на 300 верст, с юга – по Дону и запирались Царицынской линией на всем ее 60-верстном протяжении, с запада – по Хопру на протяжении около 400 верст, а с севера – были обозначены цепью форпостов на 200-верстном участке между Хопром и Волгой.

Возможность переправы внутрь Царицынской линии со стороны Волги, как мы уже отмечали, контролировалась форпостами Астраханской линии, на которой первоначально несли дежурство городские казаки поволжских городов (Самары, Саратов, Дмитриевска, Царицына, Черного Яра и др.), входившие в состав «трехсотной команды калмыцких дел», подчиненной Василию Пахомовичу Беклемишеву. Для контроля северных границ территорий, отведенных для кочевий внутри линии, были учреждены форпосты между Волгой и Хопром, также охраняемые казаками этой «трехсотной команды». В то же время изначальными задачами казаков этой команды, помимо новой «нагрузки» в виде охраны форпостов, было взаимодействие с калмыцкими владельцами, сопровождение и охрана делегаций, доставка секретной корреспонденции и в немалой степени – охрана наместника и самих калмыцких владельцев от возможных нападений враждебных им владельцев или представителей других кочевых племен. В 1727 г. в «казачьей команде калмыцких дел» состояло 40 самарских и 20 алексеевских казаков (при одном сотнике), 35 саратовских казаков, 25 дмитриевских казаков (при одном сотнике), 45 царицынских казаков (при одном сотнике) и 35 черноморских казаков; всего – 303 человека (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 31. Д. 172. Л. 82). Для таких больших расстояний этого числа было явно недостаточно.

Именным указом императрицы Екатерины I от 4 января 1727 г. генерал-фельдмаршалу князю М.М. Голицыну предписывалось набрать 600 казаков из слободских полков и 300 конных казаков из польских городков в Казанской и Астраханской губерниях и передать их в команду калмыцких дел подполковнику В.П. Беклемишеву «для охранения калмыцких владельцев от их неприятелей», а при необходимости дополнительно усилить эту команду яицкими казаками и войсками Царицынской линии (ПСЗРИ. Т. VII, 1830: № 4999). Большим неудобством для В.П. Беклемишева было то, что казаков из его команды периодически задействовали для выполнения различных непрофильных задач и поручений (например, на смену казакам, командированным на Гилян (Персия) и в другие места). Поэтому в мае 1727 г. в ответ на его рапорты последовало распоряжение о том, чтобы казаков из команды В.П. Беклемишева использовать только «для обережения» от «воровских» калмыков и киргиз-кайсаков (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 81-81об.).

Калмыцкие «воровские» набеги в этот период значительно усилились (Бичурин, 1991: 94), а российских военных сил в Понизовье катастрофически не хватало, поэтому единственной реакцией на январский императорский указ явился ордер генерал-фельдмаршала князя М.М. Голицына от июля 1727 г., которым оговаривалось, что для усиления казачьей команды калмыцких дел В.П. Беклемишеву при необходимости разрешалось временно задействовать до 300 человек из регулярных войск, «обретающихся»

¹ В частности, в припадке бешенства, Нитар Доржи застрелил из ружья своего собственного зайсанга Джалчина, попытавшегося спасти жизнь В.М. Бакунину (Бакунин, 1995: 52-54).

при Царицынской линии под общим командованием генерал-майора Андрея Яковлевича Витерания (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 82).

Лишь через два года появилась возможность пусть и не в достаточной степени, но все же увеличить численность команды калмыцких дел и усилить ее донскими казаками и казаками слободских полков¹. В 1729 г. для содержания форпостов, расположенных вдоль Волги, из Белгородской губернии в команду В.П. Беклемишева было прислано 300 прапорных казаков пяти слободских полков: 60 казаков Харьковского полка под командованием сотника Алексея Кветки, 40 казаков Изюмского полка под командованием сотника Василия Станбула, 40 казаков Острогожского полка под командованием сотника Ивана Медкова, 100 казаков Ахтырского полка под командованием сотника Романа Карпова и 60 казаков Сумского полка под командованием сотника Алексея Маркова (Марковича) (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 321-324). Ахтырских казаков разместили на форпостах выше Саратова (в с. Малыковке (сейчас г. Вольск Саратовской области), в с. Сосновом Острове (сейчас г. Хвалынский Саратовской области), «на пустом месте пониже Чардымского хутора версты за две на берегу Волги», «на пустом месте ниже села Березенцев (Березники)» и др.) (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 393, 614об.), изюмских – в с. Ахмат (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 537), харьковских – в с. Золотое (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 559). Из острогожских, дмитриевских, царицынских, черноморских и других казаков сформировали сборные команды для дежурства на форпостах между Дмитриевском и Царицыным («против Ельтони», «ниже речки Балыклей при первом буераке», «ниже Стрельного бугра на другом буераке», при речке Дубовке, при речке Верхней Колье (?), «ниже Разина бугра во втором буераке», «выше Балыклейского займища во втором буераке», «в Пролей каше»², «у Крестов», при речке Верхней Мечетной, и др.) (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 398-398об., 512). Командующим всеми форпостами от Дмитриевска до Царицына был назначен дмитриевский сотник Спиридон Везелев; на время отсутствия его заменял сотник Алексей Маркович (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 593).

Чтобы проинспектировать, насколько исправно несут службу на форпостах новоприбывшие слободские казаки, команде калмыцких дел в том же году было предписано командировать из Саратова проверяющего: «и того ради до Царицына послать нарочного, и дать ему инструкцию, в которой написать, чтоб он ехал от Саратова до Царицына водным путем по форпостам, а от Царицына возвратно до Саратова приехал бы по тем же форпостам сухим путем, и как туда едучи так и назад возвращаючись осмотрел бы те форпосты в добром ли порядке оные состоят и часто ли от них водою и сухим путем чинятся разъезды. Где же какой непорядок на котором форпосте усмотрит или от кого уведает что нечасто чинятся разъезды, о том представил бы он на тех форпостах командующим дабы они в том поступали по данным им инструкциям во всем непременно и потом по возвращении своем к калмыцким делам подал репорт» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 539). Для проведения этой проверки 30 августа 1729 г. из Саратова в Царицын был отправлен саратовский казачий десятник Иван Кувардин. Вернувшись в Саратов, он рапортовал, что форпосты «состоят все благополучно, и частые разъезды как водяным путем, так и сухим путем имеют» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 590).

На форпосты, расположенные от Волги до Хопра, с 1729 г. стали заступать по 300 городских казаков команды калмыцких дел и по 300 донских казаков, присылаемых им для усиления (см., например: [Курышев, 2011: 18](#) и др.). С этого времени при каждом из форпостов между Волгой и Хопром стали нести дежурство от 40 до 70 человек: форпосты, расположенные ближе к р. Волге, контролировались городскими казаками В.П. Беклемишева, форпосты, расположенные ближе к р. Хопру, – донскими казаками. Дежурство было посменным, «с переменою»: отбив положенное время на форпостах, команда менялась (ПСЗРИ. Т. IX, 1830: № 6470). Таким образом, только в охране

¹ И.В. Торопицын полагает, что казаки слободских полков были направлены в помощь команде калмыцких дел уже в 1727 г., но в действительности в этом году лишь последовал указ о таком усилении, а сами слободские казаки прибыли на Волгу только в 1729 г. ([Протоколы, 1887: 468-469; Торопицын, 2016: 27-29](#)).

² При устье речки Пролей Каша. В настоящее время примерно на этом месте существует с. Горная Пролейка Волгоградской области.

«северной» границы кочевий было задействовано до 1200 человек. В различных документах упоминается от одиннадцати до тринадцати форпостов, содержавшихся в конце 1720-х – начале 1730 гг. на этом участке границы кочевий. Нам удалось выявить список из одиннадцати форпостов, существовавших в 1734 г.:

«Реестр форпостам, в которых урочищах и по рекам, и по сколько человек и от форпоста до форпоста например сколько верст, и кто имеющие команду

1. На речке Таловке: 56 самарских и алексеевских казаков под командой самарского сотника Матвея Шилова. Расстояние от Волги – ок. 10 верст.

2. На речке Карамыше: 25 саратовских казаков и 25 человек крещеных и некрещеных калмыков под командой саратовского казачьего десятника Петра Себикеева¹. Расстояние от 1-го форпоста – ок. 12 верст.

3. На речке Карамыше: 63 саратовских, дмитриевских, царицынских, черноморских казака и 1 калмык под командой капитана Луки Шахматова². Расстояние от 2-го форпоста – ок. 13 верст.

4. На реке Медведице: 19 черноморских казаков и 21 человек крещеных и некрещеных калмыков под командой черноморского казачьего пятидесятника Андрея Горохова. Расстояние от 3-го форпоста – ок. 10 верст.

5. На устье речки Баланды: 18 дмитриевских казаков и 32 человека крещеных и некрещеных калмыков под командой дмитриевского казачьего сотника Дмитрия Тюрюкина. Расстояние от 4-го форпоста – ок. 20 верст.

6. На устье речки Ольшанки: 7 саратовских казаков, 28 царицынских казаков и 16 человек крещеных и некрещеных калмыков под командой саратовского казачьего десятника Максима Деревягина. Расстояние от 5-го форпоста – ок. 25 верст.

7. На Ольшанских верхах: 48 донских казаков под командой донского казачьего сотника Растеряева. Расстояние от 6-го форпоста – ок. 20 верст.

8. На речке Белгазе: 48 донских казаков под командой донского казачьего сотника Кружилина. Расстояние от 7-го форпоста – ок. 25 верст.

9. На вершинах речки Изнаир: 48 донских казаков под командой донского казачьего сотника Попадина. Расстояние от 8-го форпоста – ок. 23 версты.

10. На речке Изнаире, при кусте Третьяке: 48 донских казаков под командой донского казачьего есаула Еремеева. Расстояние от 9-го форпоста – ок. 25 верст.

11. На устье речки Изнаир, на реке Хопре: 48 донских казаков под командой донского наказного атамана Лариона Семенова. Расстояние от 10-го форпоста – ок. 20 верст» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 147-148).

Таким образом, в 1734 г. мы видим 317 казаков и калмыков команды В.П. Беклемишева на шести форпостах, ближайших к Саратову, и 245 донских казаков на остальных пяти форпостах; итого 562 человека на одиннадцати форпостах, перекрывавших расстояние в двести верст между Волгой и Хопром.

Грамотой от 8 августа 1734 г. в целях экономии провианта и фуража, выдаваемого донским казакам, стоящим на линии форпостов между Волгой и Хопром, Военная коллегия предписала впредь командировать на эти форпосты исключительно казаков, живущих по рекам Хопру и Медведице: «И понеже оные казаки на форпостах тех близ жилищ своих стоять будут, того ради провианта и фуража из казны им не давать, а довольствоваться им от себя» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 32-32об.). 23 августа 1734 г. донские казаки, охранявшие пять форпостов, расположенных ближе к Хопру, были распущены по домам, а на эти форпосты назначена новая «трехсотная» партия донских казаков под командованием атамана Араканцева. На четырех форпостах было размещено по 43 казака, а на пятом, при атамане, – 65 казаков. Осуществляющий общее командование линией форпостов между Волгой и Хопром капитан Л.Т. Шахматов также сообщал, что один казак из этой партии умер. Таким образом, в «трехсотную» команду донцов на этот раз оказалось записано всего 239 казаков, включая атамана (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 191-191об.).

С запада границы кочевий были ограничены еще одной естественной водной преградой – рекой Хопром. Казаки расположенных по этой реке поселений также имели

¹ Себикеев (Сибикеев) Петр, саратовский казак команды калмыцких дел (1729), десятник (1734).

² Шахматов Лука Тихонович, саратовский дворянин, капитан команды калмыцких дел.

предписание «содержать от казачьих хоперских городков по Хопру до российских жилищ, и попереk реки Медведицы в пристойных местах форпосты, чтоб де калмыки чрез Хопёр для кочевания перепущены не были, и российским жилищам не учинили разорения» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 157).

Обозначив все эти границы на карте, мы можем получить представление о размерах территорий, разрешенных российским правительством для калмыцких кочевий выше Царицынской линии (Рисунок 1).

Рис. 1. Схема границ территорий выше Царицынской линии, в пределах которых калмыки могли кочевать в конце 1720-х – начале 1730-х гг. (основой для схемы послужила карта 1783 г.). Сост. Е.В. Астафьев

Римскими цифрами на схеме обозначены четыре отрезка пограничных линий: I – вал Царицынской линии (между Волгой и Доном), II – форпосты Царицынской линии вдоль Дона и казачьи поселения вдоль Хопра, III – форпосты между Волгой и Хопром, IV – форпосты Астраханской линии на интересующем нас участке Волги.

Даже по сегодняшним меркам это огромные территории (сопоставимые с размерами большинства современных европейских государств), для охраны границ которых были задействованы большие военные ресурсы. Приведенная схема лишней раз иллюстрирует, с каким вниманием российское правительство относилось к своим степным союзникам¹. Несмотря на набирающее темпы земледельческое освоение этих территорий и развитие на них сельского хозяйства, места для кочевий там оставалось предостаточно в течение всего XVIII в.

Кроме того, по приведенной схеме наглядно можно сравнить участки границ, через которые пролегли традиционные калмыцкие маршруты внутрь этих территорий. Хорошо укрепленная Царицынская линия, обозначенная на схеме цифрой I, перекрывала собой лишь узкий участок Волго-Донской переволки с юга. В то же время участок берега Волги, обозначенный цифрой IV, через который калмыки во многих местах имели привычные

¹ К примеру, в указе императрицы Анны Иоанновны от 1734 г. было сказано, что ханше Дарма-Бале разрешается «с улусом своим кочевать по нагорной стороне без запрещенія» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 12).

переправы и который был снабжен только редкими казачьими форпостами, по сути являвшимися лишь временными полевыми лагерями, – имел протяженность, как минимум, в пять раз большую длины Царицынской линии и не был оборудован какими-либо фортификационными сооружениями или искусственными преградами для переправлявшихся. Это также подтверждает наше мнение о том, что Царицынская линия сама по себе не могла явиться слишком большим неудобством для калмыцких кочевий при условии непротивления им со стороны российского правительства в отличие от возможных набегов кубанцев и крымцев, которые неминуемо должны были упереться в эту линию и принять бой, не имея иных маршрутов для своих передвижений.

Кстати, именно по причине весьма частых случаев переправ небольших групп «воровских» калмыков через Волгу и совершаемых ими на российских территориях краж скота и грабежей крестьян и казаков в начале 1730-х гг. все-таки рассматривался вопрос о замене форпостов вдоль Волги на полноценную укрепленную линию (Курышев, 2011: 23, 38). Естественно, на всей ее громадной протяженности такой проект был попросту нецелесообразен, но учитывая топологию правого берега Волги, вполне реально было построить отдельные участки вала на низинных участках и небольшие крепости в местах традиционных переправ. В качестве постоянного контингента войск для дежурства на линии также предлагались различные варианты: оставить на постоянное жительство казаков слободских полков, новая команда которых должна была прибыть в 1732 г., набрать для дежурства вдоль Волги полк служилых людей из Казанской губернии и т.д. (ПСЗРИ. Т. VIII, 1830: № 5982; Курышев, 2011: 23). Однако в итоге было принято решение перевести на Волгу партию донских казаков под командованием атамана М.Н. Персидского, изначально сформированную для охраны Царицынской линии¹. Этим казакам поселили несколькими станицами вдоль берега Волги выше Царицына и учредили из них Волжское казачье войско². С 1736 г. казаки этого войска начали нести службу на Волге вместе с городскими казаками команды калмыцких дел, а к 1740 г. было закончено строительство его станиц и окончательно утверждены границы войсковых земель (Курышев, 2011: 38). Еще одним доказательством уважительного отношения российского правительства к традиционным территориям калмыцких кочевий выступает тот факт, что указом императрицы волжским казакам на первых порах запрещалось переправляться на левый берег Волги даже для добычи соли, чтобы не провоцировать случайных ссор с калмыками (Курышев, 2011: 24; ПСЗРИ. Т. VIII, 1830: № 5982, 6007).

В период правления калмыцким народом Черен-Дондука в 1724–1735 гг., являвшегося крайне слабым лидером, в калмыцком ханстве не прекращались междоусобицы, погибло много знатных и простых калмыков (Эрдниева, 1985: 40). В этот период калмыцкие владельцы, поддерживающие партию Черен-Дондука, постоянно вынуждены были искать защиты и покровительства у российских властей. Именно на этот период приходилось большинство случаев кочевания калмыков внутри Царицынской линии. Вставший во главе оппозиции Черен-Дондуку его племянник Дондук-Омбо, поддерживаемый влиятельными и сильными владельцами Доржи Назаровым и его сыном Лубжей, держал в постоянном

¹ Вследствие создавшейся неопределенности с воинским контингентом для дежурства на Царицынской линии это войско едва не было распущено обратно по домам в 1733 г. сразу же после набора. Лишь угроза неприятия большей части его семей со стороны донских казаков и перспектива их полного разорения заставили правительство рассматривать варианты службы этого войска на волжских форпостах и в командировках в волжские города (Курышев, 2011: 38). А.В. Курышев считал, что по своим правовым и экономическим возможностям Волжское войско занимало промежуточное положение между войсковым и городским казачеством (Курышев, 2011: 40, 46). Объективно же оценивая всю историю существования этого войска и уровень выполняемых им функций, нужно признать, что это было внутреннее воинское формирование, более характерное для ландмилиции.

² А.В. Курышев упоминал в своём исследовании, что часть станиц Волжского казачьего войска были основаны на местах некогда существовавших поселений (Курышев, 2011: 38). В действительности, это были не поселения, а места базирования некоторых из форпостов Астраханской линии, на которых прежде стояли казаки слободских полков: между речкой Пролей Каша и Балыклейской водоворотью, между двух буераков напротив Караваинского острова, и др. Лишь посад Дубовка был основан на том же самом месте, где в 1721–1728 гг. существовала слобода Дубовка, сожженная по приказу правительства за прием беглых крестьян (Астафьев, 2016: 27).

страхе наместника и его партию. Демонстративно не подчинялся Дондук-Омбо и российским властям. На луговой стороне Волги, на всем расстоянии от Царицына до Самары, калмыки улуса Дондук-Омбо нападали на российских крестьян, переправлявшихся на противоположный берег и на острова для заготовки сена, грабили их, угоняли в рабство, забирали у них скот и лошадей (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 51-51об.). В это время внутри Царицынской линии калмыки допущенных кочевать на российских территориях владельцев также совершали многочисленные кражи и грабежи. На требование В.П. Беклемишева о прекращении калмыцких набегов на российские селения Черен-Дондук прямо признавался в собственной несостоятельности в качестве наместника, отвечая: «он бы то и учинил, только ему затем невозможно, что де владельцы ево не слушают» (Цюрюмов, 2021: 70).

Иногда случалось и калмыцкой оппозиции обращаться за помощью к российским военным. В начале сентября 1729 г. калмыцкий владелец Доржи Назаров, опасаясь нападения киргиз-кайсаков, писал в Саратов И.И. Бахметьеву и В.П. Беклемишеву: «...понеже улусы наши близ вас состоят, и ежели придет сильный неприятель, о том мы вас уведомим, и вы пожалуйте нам войска». В ответном письме от 11 сентября 1729 г. ему было предложено в случае опасности уходить под прикрытие Царицынской линии, однако не предлагалось пересекать ее: «для содержания Царицынской линии и для охранения калмыцких улусов от их неприятелей обретаются на оной Царицынской линии нарочные полки в команде господина генерала лейтенанта Чекина, и буде на него Доржу Назарова от касак будет наступление, то б он с улусы своими ретировался к помянутой линии» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 572-572об.).

В 1731 г. в преддверии прибытия на Волгу китайского посольства Черен-Дондук, до того времени пребывавший в статусе наместника, официально был утвержден в ханском достоинстве указом императрицы Анны Иоанновны от 17 февраля 1731 г. (Бичурин, 1991: 94; ПСЗРИ. Т. VIII, 1830: № 5699; Цюрюмов, 2021: 69). В ответ на это непокорный Дондук-Омбо лишь усилил набеги на калмыцкие улусы и российские территории. В ноябре он нанес поражение войску Черен-Дондука, после чего к нему примкнули многие владельцы, прежде занимавшие выжидательную позицию. В начале 1732 г. присланный из столицы генерал-поручик Иван Федорович Барятинский, командуя войсками Царицынской линии, казаками команды калмыцких дел, а также донскими и яицкими казаками, отбил у Дондук-Омбо большую часть улусов Черен-Дондука, Дарма-Балы и других владельцев. Дондук-Омбо со своим войском, улусами и многими владельцами ушли на Кубань. Осенью 1733 г. он совершил набег на улусы Дондук-Даши, захватил и увел их с собой. Кроме того, ряд небольших улусов самостоятельно откочевали к нему с Волги. В результате под властью Дондук-Омбо оказалась собрана значительная часть всего калмыцкого ханства (Бичурин, 1991: 94; Митиров, 1998: 144-152; Пальмов, 2007: 126; Цюрюмов, 2021: 71-79).

В марте 1734 г. владелец Лубжа, сын Доржи Назарова, напав на луговой стороне Волги на улусы Дарма-Балы, Галдан-Данжина и Шакур-ламы, захватил более 4 тыс. кибиток (Цюрюмов, 2021: 82). Летом 1734 гг. хан Черен-Дондук с поддерживавшими его владельцами и всеми их улусами в очередной раз были допущены кочевать за Царицынскую линию по указу императрицы Анны Иоанновны. Они просили российской защиты как от возможного нападения Дондук-Омбо, так и от Доржи Назарова, угрожавшего разбить их и кочевавшего между Царицыным и Астраханью (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 6-7). В числе знатных персон, пропущенных в этот раз за линию, были ханша Дарма-Бала, хан Черен-Дондук (Черен-Дондук), Шакур-лама, Галдан-Данжин¹, Дондук-Даши, Лекбей, Лабан-Дондук (Лаван-Дондук)², Байсхолунт, а также зайсанги Санжи-Дарга³, Цаган Богынов⁴ и Шорой (Шоро)⁵.

Для контроля передвижений калмыков на российской территории указом было традиционно предписано «по впусчении внутрь Царицынской линии калмыцкого хана

¹ Младший сын хана Аюки, брат Черен-Дондука.

² Сын дербетского тайши Четера, женатый на внучке хана Аюки.

³ Зайсанг Шакур-ламы, ближней ханши Манжин-Сойбонши.

⁴ Зайсанг Черен-Дондука.

⁵ Зайсанг Дондук-Даши.

Черен-Дондука и прочих его партии владельцев со всеми улусами для кочевания показать им места от российских жилищ не вблизи, дабы воровских подбегов для краж не чинили, и для того б имеющиеся в команде калмыцких дел и будущим на Царицынской линии, и хоперским казакам в пристойных местах имели караулы и разъезды по то все время, пока оные калмыки паки за Волгу или назад чрез линию возвратятся». В то же время указом оговаривалось, чтобы калмыкам была оказана вся необходимая поддержка: «и тем калмыкам во время нужное, как астраханскому губернатору, так и царицынскому коменданту, и полкам, стоящим при линии, чинить всякое споможение» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 157). Как мы увидим далее, даже в это тяжелое время калмыки без всякого стеснения занимались внутри линии воровством и грабежами.

В июле 1734 г. хан Черен-Дондук писал императрице Анне Иоанновне и саратовскому воеводе полковнику В.П. Беклемишеву (в начале 1734 г. по указу императрицы вновь принявшему на себя управление всеми калмыцкими делами) о своем бедственном положении – «от своих родственников Доржи и Дондук-Омбы каждый год и месяц развоеван и разорен» – и просил не оставить его своими заботами в преддверии надвигающейся зимы: «как покроется Волга льдом, то де с обеих сторон от неприятелей имеется быть опасность», поэтому «ему хану с улусами где будет зимовать, дабы он полковник обо всем сыскал способ» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 15-15об.). Ему вторил племянник Дондук-Даши: «от Дондук Омбы и от Лубжи¹ паче всех прежних времен приведены в слабое состояние и ежели ныне их не поправить, то они и вконец могут разориться и пропасть» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 47об.). Всем было понятно, что дольше октября оставаться внутри линии калмыки не смогут (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 55), а без российской защиты их добьют Дондук-Омбо, Доржи Назаров и Лубжа.

В конце июля Доржи Назаров напал на луговой стороне Волги на кочевавший там улус Шакур-ламы, состоявший из пятисот кибиток «и оный разграбя, забрал к себе без остатку» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 54). Некоторые владельцы прежде поддерживавшие Черен-Дондука, бежали к Доржи Назарову и Дондук-Омбо, другие планировали это сделать (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 54об.). В панике разбитый и беспомощный Черен-Дондук писал одно письмо за другим. В конце августа он вновь просил у императрицы помощи в виде похода на Волгу князя И.Ф. Барятинского или А.П. Волынского «со многим войском», или «кого из ближних министров также со многим войском», или «кого другого знатного с войсками», мотивируя это тем, что А.П. Волынский и И.Ф. Барятинский ранее уже «прежние междоусобия поправляли». Императрица ответила, что «для лутчаго в калмыцком народе покоя и тишины, и чтоб не было кровопролития» к Дондук-Омбо, Дорже Назарову и Лубже были посланы «знатные» делегаты с «милостивоувещательными грамотами» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 48-49, 58).

В начале сентября 1734 г. в письмах к В.П. Беклемишеву хан Черен-Дондук объявил, что по общему согласию с остальными владельцами они собираются откочевать со всеми своими улусами с горной стороны Волги на ее луговую сторону, и просил выделить им для сопровождения и дальнейшей охраны «российского войска тысячу человек, которое бы де могло быть впереди их улусов, отчего б де они и с улусами в тех царицынских лугах имели кочевье безопасно» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 227). В ответ В.П. Беклемишев возразил, что тысячу человек без указа императрицы он дать не может, да и калмыкам без указа императрицы кочевать на луговую сторону не подлежит, дабы «не навести на Высочайший гнев Ея Императорское Величество», а кроме того напомнил хану, что на луговой стороне в это время кочует калмыцкий владелец Лубжа, который может разорить ханские улусы, ибо, как В.П. Беклемишеву уже доводилось убедиться, «ханская сторона пред Лубжей бессильна и в войне стоять не может» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 228).

В это же время Дондук-Даши написал В.П. Беклемишеву с просьбой, чтобы российские войска в зиму помогли сопроводить его улусы в Астрахань, «где есть рыба и будет тепло и будут остерегать его русские люди», а на словах велел своему зайсангу Шоро передать, что «раньше кочевали они в зимнее время, а ныне нет для них мест бесснежных и безопасных» и откочевать в Астрахань они хотят, потому что «люди их весьма скудны, и от той скудости несет себе голод... и по скудости де его улусные люди будут у россиян кражи и прочие обиды

¹ Лубжа Назаров, сын Доржи (Дорджи) Назарова.

чинить, ибо за неимением у них пропитания и воздержат их будет немощно» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 194-194об.). Одновременно было получено коллективное письмо от Шакурламы с прочими владельцами с идентичной просьбой о помощи в зимнем кочевье (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 200-200об.).

Местной российской администрацией рассматривались различные варианты разрешения создавшейся ситуации. Охранять калмыков между Черным Яром и Астраханью на их привычных кочевьях было бессмысленно из-за огромных расстояний и невозможности предупреждать неминуемые нападения. В качестве наиболее предпочтительного варианта предлагалось переправить их через Дон «по примеру как в 1726 году владелец Дасанг с 10000 кибиток там зимовал», а казаков команды калмыцких дел переместить ниже Царицынской линии, расквартировать в донских казачьих городках и учредить там форпосты и разъезды (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 55об.-57). В качестве другого варианта рассматривалась возможность полного разгрома войск Доржи Назарова и Лубжи на луговой стороне Волги посредством нападения на них башкир и киргиз-кайсаков, а на нагорной стороне – полков Царицынской линии, яицких и донских казаков (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 73. Л. 54об., 80-81; Цюрюмов, 2021: 88). Начало осуществления второго варианта было возможно не ранее возвращения посланных с «милостивоувещательными грамотами» делегатов.

Зимой 1735 г. Доржи Назаров со своими улусами тайно откочевал на Кубань и соединился с Дондук-Омбо, под управлением которого теперь оказалось сконцентрировано почти все калмыцкое население. Черен-Дондук, не способный к управлению ханством, растерявший остатки своего авторитета, постоянно просивший деньги и военную помощь (а также прислать грамоту с «приказанием калмыкам о почитании его ханом»), превратился в обузу для российского правительства и перестал представлять для него какой-либо интерес. В 1735 г. Черен-Дондук был отправлен в Санкт-Петербург, а на его место был приглашен Дондук-Омбо, так основательно зарекомендовавший себя лидером среди калмыков и давно искавший возможности отправить своих посланников к Российскому императорскому двору для принесения извинений и заключения мирного договора. Российское правительство в этом случае удачно опередило крымского хана, который со своей стороны отправил Дондук-Омбо уже подписанный указ о пожаловании его «турецким сераскер-султаном, правителем над кубанским и калмыцким народом главным». Дондук-Омбо после совета со своими духовниками и зайсангами все-таки склонился к российскому предложению возвратиться со всеми улусами на Волгу. В ноябре 1735 г. он принял присягу на верность российскому престолу и был официально провозглашен Главным управителем Калмыцкого народа (ПСЗРИ. Т. IX, 1830: № 7027; Цюрюмов, 2021: 89-92). Жалованная грамота об этом была, по-видимому, составлена задним числом и датирована 7 марта 1735 г. (ПСЗРИ. Т. IX, 1830: № 6705). Впоследствии грамотой от 3 марта 1737 г. он был возведен в ханское достоинство (ПСЗРИ. Т. X, 1830: № 7191). При Дондук-Омбо среди калмыцких владельцев практически прекратились междоусобицы и отпала необходимость прятать кого-либо из них за Царицынской линией под защитой российских войск, поэтому все последующие кочевья за линией происходили исключительно в интересах скотоводства, по-прежнему с разрешения местной российской администрации. Например, в начале 1739 г. на российских территориях кочевал зайсанг Чимбе Эмчий (Чимбу Эмчю) с 200 кибитками. 26 апреля 1739 г. он был переправлен через линию для соединения с ханом Дондук-Омбо (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 3).

В 1735–1739 гг. калмыцкие войска принимали непосредственное участие в Русско-турецкой войне (Эрдниева, 1985: 40). В этот период калмыки уже не просто выставляли необходимое число всадников для походов, но и выполняли самостоятельные боевые задачи в ходе военных кампаний. Помимо того, что в составе российской группировки, находившейся в походе в Крыму, постоянно состояли калмыцкие войска, в 1736 г. Дондук-Омбо во главе 20-тысячной калмыцкой армии был отправлен на Кубань, где сначала разбил большой отряд кубанских татар, а затем запер превосходящие силы противника и сдерживал их до подхода донских казаков, в результате чего многие кубанцы вынуждены были сдаться и перейти в российское подданство. В числе прочего калмыки разорили и сожгли часть станиц казаков-некрасовцев, бежавших на Кубань в 1708 г., но впоследствии неоднократно совершавших вместе с кубанскими татарами кровавые набеги на российские селения (Бичурин, 1991: 100-101; Прозрителев, 1990: 27).

В марте 1739 г. согласно императорскому указу, присланному из Коллегии иностранных дел, саратовским, дмитриевским, царицынским и черноморским казакам команды калмыцких дел общим числом 200 человек было приказано «быть в готовности при хане Дондук-Омбо», составив его личную охрану. Следующим указом, от 7 мая 1739 г., «для всегдашнего пребывания при нарочной назначенной персоне ради охранения калмыцкого хана Дондук-Омбы с домом» была командирована рота Астраханского драгунского полка под командой капитана Еремея Зарубина и 240 казаков команды калмыцких дел (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 82об., 139-140, 150, 416)¹. Этим подчеркивалось, насколько российское правительство ценит заслуги хана и заботится о безопасности его и его семейства.

В конце апреля 1739 г. хану Дондук-Омбо была отослана очередная императорская грамота о срочной поставке 10-тысячного калмыцкого войска для кампании против турок на Кубани (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 39, 79об.). Хан отправил в поход необходимое число людей под командованием владельца Лабанг Дондука, который по возвращении в начале июня 1739 г. сообщил царицынскому коменданту полковнику П.Ф. Кольцову, что вернулся с добычей и в благодарность передает ему из числа своей добычи одну лошадь, а также хочет направить своих посланников с «презентом» для императрицы (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 73, 76). Этот эпизод свидетельствует, что за калмыками сохранялось право захвата военных трофеев при участии в государевых походах.

В июне 1739 г. хан Дондук-Омбо сам выступил в поход на Кубань во главе 5-тысячного войска калмыков и кабардинцев (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 117-117об., 120, 425). В походе калмыки одержали ряд побед, взяли 7 тыс. семей противника и большую добычу. В конце августа на реке Кубани они напали и убили Харган Гирея Салтана (сына сераскира Бахты-Гирея (Бахта Гирея) Дели Султана) с охранявшими его 60 воинами. 29 августа Дондук-Омбо со своим войском повернул обратно к Волге. Стремясь отомстить за смерть Харган Гирея, кубанцы снарядили вдогонку калмыкам 4-тысячное войско, но, к счастью для Дондук-Омбо, это войско по дороге разбила донские казаки (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 491, 496-498об.).

В этот период калмыки получили возможность значительно расширить площади своих кочевий за счет кубанских территорий, а также поправить свое благосостояние за счет военной добычи. О том, что им стали практически не интересны территории, лежащие выше Царицынской линии, косвенно могут свидетельствовать присланный из Коллегии иностранных дел указ казакам Волжского войска и ответный рапорт войскового атамана Волжского войска Михайлы Дикого, в которых уже не упоминаются калмыки: этим указом волжским казакам предписано было иметь от Дубовки до Дмитриевска между станицами «частые и недреманные» разъезды, дабы «переездов киргиз-кайсака и других татар чрез Волгу в киргиз-кайсацкие орды и в Кубань накрепчайшее предостерегательство иметь» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 436, 458).

Дондук-Омбо умер в 1741 г. После его смерти в Калмыцком ханстве вновь развернулась борьба за власть и возобновились кровопролитные междоусобицы, в ходе которых погиб законный наследник Галдан-Норма и многие знатные владельцы. Российскому правительству вновь пришлось вмешиваться для прекращения кровопролитий и назначить наместником Калмыцкого ханства Дондук-Даши, внука хана Аюки. В 1758 г. Дондук-Даши из наместников был пожалован в ханское достоинство, а по его просьбе, принимая во внимание его слабое здоровье и для предотвращения междоусобиц после его смерти, наместником заблаговременно был назначен его сын Убаши. Дондук-Даши умер в 1761 г., после его смерти калмыцким народом правил Убаши, при котором в 1771 г. произошел исход большей части калмыков в Китай (Бичурин, 1991: 109-110; Колесник, 2000: 78-80).

Напоследок необходимо упомянуть, что при любых губернаторах, при любом хане, при любых, даже самых хороших, отношениях с российским правительством, калмыки никогда не переставали заниматься разбоем и грабежами. Они нападали на крестьянские и казачьи поселения, как находясь внутри Царицынской линии, под ее защитой, так и извне, переправляясь небольшими партиями через Волгу и даже через саму линию. Не имея

¹ В 1739 г. самарские и алексеевские казаки «трехсотной» казачьей команды калмыцких дел были переведены в Оренбургскую комиссию, поэтому в команде и осталось всего 240 казаков (Торопицын, 2016: 32).

возможности перечислять здесь все инциденты, произошедшие в исследуемый период, лишь вкратце рассмотрим некоторые из этих случаев, чтобы составить общее представление об этом явлении.

О поведении калмыков улуса Нитар-Доржи в 1725 г. уже упоминалось в начале этого исследования; также отмечалось, что с 1727 г. калмыцкие набеги многократно усилились. В июне 1729 г. генерал-лейтенант Ф.Г. Чекин доносил о грабежах и разбое калмыков на р. Бурлук, сопровождавшихся перестрелками, а также о многочисленных свидетельствах совершенных «воровскими» калмыками переправ через Волгу (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 386-387об.). Ночью 24 июня калмыки одного из улусов, кочевавших вдоль Волги на луговой стороне в 5 верстах выше р. Балыклея, угнали табун лошадей, пасшихся на р. Тишанке и принадлежавших казакам, несшим дежурство в Донской крепости на Царицынской линии. Ночью 29 июня калмыки этого же улуса угнали табун лошадей на р. Медведице у казаков станицы Малодельской, «исколов до смерти» одного казака и «побив и переранив» нескольких других (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 467-467об., 471-474). В июле 1729 г. калмыки напали на Волге на казачий разъезд из четырех человек и «побили их до смерти» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 462-463об.). В августе 1729 г. дежурившие на форпостах на Волге казаки слободских полков доносили, что группа калмыков не менее 15 человек переправилась в районе Мордовых вершин на нагорную сторону, но посланные с форпоста казаки под командой изюмского сотника Василия Станбула их не догнали и не смогли найти по свежим следам. На следующий день на поиски была отправлена новая группа казаков, усиленная 30 саратовскими казаками под командованием пятидесятника Давыда Стрелкова. Дежурившим на форпостах казакам было приказано «смотреть недреманным оком с великою предосторожностью, чтобы те калмыки с награбленным не переправились обратно», но все было тщетно: поймать калмыков так и не удалось (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 537-538об.). В сентябре от волжских форпостов вновь поступило донесение о переправе на правый берег «воровских» калмыков (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 34. Л. 559-559об.). Число и объемы грабежей достигали таких масштабов, что в начале 1730-х гг. вышла целая серия указов о поимке и сдерживании «воровских» калмыков: «понеже калмыки, перебираясь воровски, а паче где была Дубовка чрез Волгу и подбегая под Царицын и под казачьи и российские жилища, многие пакости чинят» (ПСЗРИ. Т. VIII, 1830: № 5809, 5850, 6007).

С поселением в Дубовке волжских казаков заметно участились случаи поимки «воровских» калмыков, и местные жители смогли вздохнуть свободнее. В июле 1734 г. дубовские казаки во главе с атаманом М.Н. Персидским встретили на р. Тишанке группу «грабленных русских людей» и в течение одного дня «переловили» вдоль реки и в ее окрестностях 13 калмыков, большинство из которых тут же были опознаны потерпевшими. Это оказались калмыки улусов хана Черен-Дондука, ханши Дарма-Балы и Шакур-ламы, допущенных внутрь Царицынской линии для охраны от нападений Дондук-Омбо, и такова была их «благодарность» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 18-18об.).

Вообще в периоды таких разрешенных кочевий внутри линии многократно увеличивались калмыцкие нападения, грабежи и кражи. В конце июля 1734 г. капитан Л.Т. Шахматов докладывал еще о нескольких кражах калмыками лошадей. В первом случае к форпосту самарских и алексеевских казаков, расположенному в урочище р. Таловки, ночью 20 июля подъезжали несколько калмыков и пытались угнать казачьих лошадей. Двоих калмыков казаки поймали и отправили под караулом в Саратов. Владелец Байсхолунт, чьего улуса оказались эти калмыки, просил их отпустить, заявив, что «оны калмыки близ того форпоста на корм верблюдам токмо соленой земли брали». В конце августа пойманных калмыков отдали владельцу (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 60-70). Во втором случае были замечены калмыки, переправлявшиеся с 15 лошадьми через р. Карамыш, которые тут же попытались скрыться. Посланный за ними в погоню казачий разъезд во главе с десятником Стрелковым не смог догнать воров, но отбил у них 9 лошадей (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 119).

Нередки были случаи, когда бывшие владельцы находили своих украденных лошадей уже под седлом калмыков или в их табунах (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 121, 160об.). 7 августа 1734 г. 8 калмыков напали около одного из форпостов на донского казака, который отошел поохотиться на сурков. Этого казака «связали и жестоко били и ружье у него взяли и

сняли с него кафтан и оставя одного казака и отъехали». Сумев развязать веревки, казак добрался до форпоста и сообщил о нападении своему сотнику. В погоню за калмыками была отправлена команда из 14 казаков, которая поначалу настигла калмыков «и со оными калмыки учинили из ружей пальбу и по оным калмыкам выпалили залпом и отбили у них кошовых лошадей». Но затем калмыки, видя, что с отбитыми лошадьми казаки замешкались, «скочили на лошедях к казакам и копьями ранили семь человек и коши возвратно отбили и ушли» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 145). 19 августа 1734 г. в Дмитриевск пришла дворцовая крестьянка села Водоватова Арзамасского уезда и сообщила, что бежала из полону от сына одного из калмыцких владельцев. В июне они с мужем и другими крестьянами (10 мужчин и 10 женщин) отправились из своего села в донские казачьи городки в поисках заработка, но в пути на них напали калмыки, ее мужа и еще 5 мужчин убили, а остальных забрали в полон (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 72. Л. 187-189об.).

В конце 1738 г. калмыки владельца Четеря переправились через Волгу значительно выше Саратова и совершили ряд нападений в Малыковской волости (будущий Вольский уезд Саратовской губернии), ограбив многих местных крестьян и отогнав у них лошадей и рогатый скот. В числе пострадавших оказались крестьяне сел Малыковка, Белогродня, Рыбная Слобода, Терса, Воскресенское. Расследованием этого инцидента на месте занимался майор А.И. Микулин, о ходе расследования незамедлительно докладывалось тайному советнику В.Н. Татищеву. Мероприятия продолжались до лета 1739 г., были схвачены и допрошены десятки калмыков вместе с женами и детьми, устроены очные ставки с потерпевшими, большая часть арестованных была отправлена в Самару. Часть из них указом от 30 апреля 1739 г. была отправлена в Царицын к полковнику и царицынскому коменданту Петру Федоровичу Кольцову, которому, в свою очередь, было предписано «о всяких делах между калмыки и россияны суд и росправу чинить, со определением для того от калмыцкого хана Дондук Омбы владельцам» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 195-374). Помимо этого, в январе-мае 1739 г. в саратовскую канцелярию поступил целый ряд жалоб от местных жителей (от саратовского казака И. Урлапова, саратовского посадского человека А. Неустроева, В. Иванова, Я. Савельева, Г. Сединкова, отставного казака Д. Ломовцова и др.) о нападениях и грабежах калмыков владельца Бая, допущенного со своими людьми кочевать за Царицынскую линию. В связи с этим в мае 1739 г. владельцу Баю из Коллегии иностранных дел был переслан Высочайший указ, гласивший: «чтобы он Бай над своими улусами калмыков накрепко смотрел и будучи в линии близ российских городов краж и воровства и проезжим людям грабительства они не чинили и для того б смотрения и частого ему напominания пока он пробудет в линии содержать ему при нем кого из дворян и чтоб заблаговременно в ближние российские места дать знать ежели от его калмыков где какие обиды кому учинятся и о том бы прямо из тех мест писано было ко мне и представлять требуя от него суда и действительно обидимым заплатить» (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 35-38, 79). Таким наблюдателем был назначен представитель Коллегии иностранных дел, дворянин Спиридон Везелев (до 1734 г. служил сотником Дмитриевских казаков команды калмыцких дел). Сразу после этого владелец Бай со своими кибитками скрытно откочевал на луговую сторону под Астрахань (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 117, 152об.).

В середине июня 1739 г. «воровские» калмыки, напав ночью на табун лошадей саратовских, самарских и дмитриевских казаков команды калмыцких дел, угнали десяток лошадей и ушли напрямик через Царицынскую линию, перебравшись через нее всего в полутора верстах от Грачевской крепости, но упустив при переходе 6 лошадей. Посланные на рассвете из Грачевской крепости есаул Т.И. Карцов с командой из 30 казаков нагнали калмыков, отбили у них 25 лошадей и взяли одного пленного (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 99-99об., 128об.). После долгих разбирательств часть лошадей была отдана казакам команды калмыцких дел, часть возвращена калмыкам (НАРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 172. Л. 127).

Перечисление таких случаев может продолжаться очень долго, но нам важно показать лишь часть из них для объективного понимания характера взаимоотношений населения окраинных территорий Российского государства в этот период. Как для калмыков, так и для кубанцев, кабардинцев, киргиз-кайсаков, башкир или донских казаков «подбеги» и грабежи были привычным способом обогащения, которым они пользовались при любой представившейся возможности как по отношению друг к другу, так и к другим народностям, невзирая на все заключенные между ними перемирия и договоренности, поэтому ни статус

союзников, ни российское подданство для них вовсе не являлись обязательством быть для кого-либо еще и добрыми соседями.

4. Заключение

С постройкой Царицынской линии началось быстрое освоение Волго-Донского междуречья. Первыми начали появляться казачьи поселения вокруг форпостов, рядом с ними и под их защитой – первые крестьянские слободы, затем пришла дворянская колонизация, с ее небольшими помещичьими селениями: великороссийскими селами и деревнями и малороссийскими слободами и хуторами, населенными владельческими крестьянами. Следующим этапом явилась иностранная колонизация части региона, начатая российским правительством в 1760-х гг. Однако, вопреки бытующему в исторической литературе мнению, будто бы Царицынская линия значительно сократила и ограничила привычные территории калмыцких кочевий, явившись одним из серьезных посылов для принятия ими решения об исходе на свою историческую родину, необходимо констатировать, что в действительности ситуация развивалась совершенно иным образом. Благодаря настоящему исследованию, мы можем видеть всю несостоятельность подобных обвинений. Безусловно, само существование линии и необходимость получения разрешения на ее пересечение, связанная с потерей времени на его ожидание, были неудобны для калмыцких владельцев. В подавляющем большинстве случаев кочевья калмыков «внутри» линии и их продолжительность были обусловлены не столько поиском кормов для скота, сколько необходимостью военной защиты отдельных групп калмыцких владельцев и в первую очередь – самого правителя Калмыцкого ханства. Междоусобицы в Калмыцком ханстве заметно снизились с приходом к власти более сильных и авторитетных ханов, поэтому потребность в их укрытии на российских территориях практически полностью отпала. Несмотря на возможность продолжения кочевий за линией в теплое время года, постепенное освоение крестьянами территорий вокруг линии с годами и десятилетиями конечно же неуклонно уменьшало полезную площадь этих кочевий для калмыков. Но вместе с тем совместные завоевания на Кубани предоставляли новые огромные территории и возможности для развития. Поэтому если в первые десятилетия после строительства линии было отмечено довольно много калмыцких кочевий внутри Царицынской линии, то впоследствии они практически полностью прекратились.

Нужно отметить, что линия сыграла свою важную роль в поддержании мира внутри Калмыцкого ханства, сохранении жизни многих калмыков, укреплении дружеских связей и усилении сотрудничества между русским и калмыцким народами. Вместе с тем не столько Царицынская линия и оставшиеся выше нее кочевья, сколько все большее сельскохозяйственное освоение территорий традиционных левобережных кочевий, сопровождавшееся вводившимися российским правительством ограничениями на занятия рыбной ловлей на Волге, сильно стесняли и приводили к разорению многих калмыцких владельцев (ПСЗРИ. Т X, 1830: № 7359; Цюрюмов, 2007: 313-317; Эрдниев, 1985: 41).

В 1771 г. нойоны и подданные им калмыки во главе с наместником Калмыцкого ханства Убаши скрытно ушли с левобережных кочевий на свою историческую родину в Джунгарию. Российская империя лишилась мощного военного союзника и многолетнего поставщика продуктов скотоводства на Нижней Волге. Начиная с 1801 г., по предложению командира Астраханского казачьего полка П.С. Попова, на оставшихся пустующими землях в Астраханском Заволжье указом императора Павла I было разрешено кочевать киргиз-кайсакам «Меньшой Орды» (Астафьев, 2019: 75-76). Территории Саратовского Заволжья со временем окончательно были заселены потомками немецких колонистов, казаками и государственными крестьянами. Лишь часть задержавшихся на нагорном берегу Волги калмыков, которые из-за теплой зимы не смогли в 1771 г. переправиться на левую сторону и откочевать в Китай вместе с основными улусами, остались в подданстве Российской империи и продолжили жить на своих территориях. В настоящее время эти территории входят в состав Республики Калмыкия.

5. Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта «Памятник фортификации Петровской эпохи “Царицынская сторожевая линия”»: история строительства и эксплуатации,

современное состояние, перспективы музеефикации и туристического использования» (проект РФФИ № 20-09-42009).

Литература

Астафьев, 2016 – Астафьев Е.В. 1722 году скаски города Царицына разныя о душах мужеска полу. Волгоград: Изд-во ЦГО, 2016. 304 с.

Астафьев, 2019 – Астафьев Е.В. Командир Астраханского казачьего полка генерал-майор П.С. Попов (1757–1815) // *Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского генеалогического общества*. Вып. 12. Волгоград: Изд-во ЦГО, 2019. С. 61-90.

Астафьев, 2020 – Астафьев Е.В. Грачёвская крепость Царицынской сторожевой линии / *Объекты культурного наследия петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации: сборник материалов международной научной конференции*. Волгоград: Сфера, 2020. С. 49-67.

Бакунин, 1995 – Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. 160 с.

Батмаев, 1995 – Батмаев М.М. В.М. Бакунин и его «Описание калмыцких народов» / Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1995. С. 7-14.

Бичурин, 1991 – Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. 128 с.

Даль, 1863 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Часть первая: А-З. М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1863. 628 с.

Клейтман, 2021 – Клейтман А.Л. Царицынская сторожевая линия и военно-политические изменения на юго-восточных границах России в 1720-х гг. // *Oriental studies*. 2021. Vol. 14. Is. 5. С. 900-909.

Колесник, 2000 – Колесник В.И. К вопросу о политике Цинской империи в отношении возвращения калмыков из Нижнего Поволжья в Джунгарию в 1771 г. / *Вопросы краеведения*. Вып. 6: Материалы краеведческих чтений, посвященных 75-летию Областного общества краеведов. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. С. 78-80.

Курьшев, 2011 – Курьшев А.В. Волжское казачье войско (1730–1804): создание, развитие и преобразование в линейные казачьи полки. Волгоград: Издатель, 2011. 352 с.

Лавринова, 1987 – Лавринова Т.И. О пропуске калмыков через Царицынскую укрепленную линию весной 1724 года (к вопросу о значении Царицынской линии в первые годы ее существования). Волгоград: [б.и.], 1987. 12 с.

Лавринова, Лавринов, 2000 – Лавринова Т.И., Лавринов Ю.М. Обострение военно-политической обстановки на Юге России в связи с мятежом Вахты Гирея Дели Султана в Крыму в 1724–1726 гг. // *Вопросы краеведения*. Вып. 6: Материалы краеведческих чтений, посвященных 75-летию Областного общества краеведов. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2000. С. 76-78.

Митиров, 1998 – Митиров А.Г. Ойраты – калмыки: века и поколения. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1998. 384 с.

НАРК – Национальный архив Республики Калмыкия.

Офицерские сказки, 2015 – Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сборник документов в 2 т. Т. 1 / Сост., вступ. ст. К.В. Татарникова. М.: Старая Басманная, 2015. 1352 с.

Пальмов, 2007 – Пальмов Н.Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2007. 464 с.

Плешаков, Васильева, 2019 – Плешаков И.Н., Васильева Е.Н. Казачество в период колонизации и становления административного устройства Саратовского Поволжья во второй половине XVII – начале XVIII века // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения*. 2019. Т. 24. № 4. С. 20-33.

Прозрителев, 1990 – Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмыков. Репринтное воспроизведение издания 1912 года. Элиста: Санан, 1990. 384 с.

Протоколы, 1887 – Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 гг. Изд. под ред. Н.Ф. Дубровина. Т. II (август-декабрь 1726 г.) / Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 56. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1887. 646 с.

ПСЗРИ, 1830 – Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗРИ). Собрание 1. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. VII. 1723–1727. 934 с. Т. VIII. 1728–1732. 1004 с. Т. IX. 1733–1736. 1016 с. Т. X. 1737–1739. 990 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Тепкеев, 2018 – *Тепкеев В.Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.

Торопицын, 2016 – *Торопицын И.В.* Служба казачьей команды при калмыцких делах в первой половине XVIII в. // *Журнал фронтирных исследований.* 2016. № 2. С. 23-39.

Ходарковский, 2019 – *Ходарковский М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800 / пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

Цюрюмов, 2007 – *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007. 464 с.

Цюрюмов, 2021 – *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династийных междоусобиц. 2-е изд. / Отв. ред. В.Л. Егоров. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021. 132 с.

Эрдниева, 1985 – *Эрдниева У.Э.* Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1985. 282 с.

Эрдниева, Максимов 2007 – *Эрдниева У.Э., Максимов К.Н.* Калмыки: историко-этнографические очерки. 4-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2007. 429 с.

References

Astaf'ev, 2016 – *Astaf'ev, E.V.* (2016). 1722 godu skaski goroda Tsaritsyna raznyya o dushakh muzheska polu [In 1722, the stories of the city of Tsaritsyn are different about the souls of the male sex]. Volgograd: Izd-vo TsGO, 304 p. [in Russian]

Astaf'ev, 2019 – *Astaf'ev, E.V.* (2019). Komandir Astrakhanskogo kazach'ego polka general-maior P.S. Popov (1757–1815) [Commander of the Astrakhan Cossack Regiment, Major General P.S. Popov (1757-1815)]. Nizhne-Volzhskii istoricheskii sbornik Tsaritsynskogo genealogicheskogo obshchestva. Vyp. 12 [Lower Volga Historical Collection of the Tsaritsyn Genealogical Society. Is. 12]. Volgograd: Izd-vo TsGO, pp. 61-90. [in Russian]

Astaf'ev, 2020 – *Astaf'ev, E.V.* (2020). Grachevskaya krepost' Tsaritsynskoi storozhevoi linii [Grachev fortress of the Tsaritsyn watch line] Ob"ekty kul'turnogo naslediya petrovskoi epokhi na yuge Rossii: problemy izucheniya, sokhraneniya i muzeifikatsii: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Grachev fortress of the Tsaritsyn watch line]. Volgograd: Sfera, pp. 49-67. [in Russian]

Bakunin, 1995 – *Bakunin, V.M.* (1995). Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutsкого, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochinenie 1761 goda [Description of the Kalmyk peoples, and especially of them Torgout, and the actions of their khans and owners. Composition of 1761]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 160 p. [in Russian]

Batmaev, 1995 – *Batmaev, M.M.* (1995). V.M. Bakunin i ego "Opisanie kalmytskikh narodov" [V.M. Bakunin and his "Description of the Kalmyk peoples"]. Bakunin V.M. Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutsкого, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Sochinenie 1761 goda [Bakunin V.M. Description of the Kalmyk peoples, and especially the Torgout people, and the deeds of their khans and owners. Composition of 1761]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 7-14. [in Russian]

Bichurin, 1991 – *Bichurin, N.Ya.* (1991). Istoricheskoe obozrenie oiratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni [Historical review of the Oirats or Kalmyks from the 15th century to the present]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 128 p. [in Russian]

Dal', 1863 – *Dal', V.I.* (1863). Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. Chast' pervaya: A-Z [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Part one: A-Z]. М.: O-vo lyubitelei ros. slovesnosti, uchr. pri Imp. Mosk. un-te, 628 p. [in Russian]

Erdniev, 1985 – *Erdniev, U.E.* (1985). Kalmyki: Istoriko-etnograficheskie ocherki. 3-e izd., pererab. i dop. [Kalmyks: Historical and ethnographic essays. 3rd ed., revised and additional]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 282 p. [in Russian]

Erdniev, Maksimov 2007 – *Erdniev, U.E., Maksimov, K.N.* (2007). Kalmyki: istoriko-etnograficheskie ocherki. 4-e izd., pererab. i dop [Kalmyks: historical and ethnographic essays. 4th ed., revised and additional]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 429 p. [in Russian]

Khodarkovskii, 2019 – *Khodarkovskii, M.* (2019). Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800 / per. s angl. A. Tereshchenko [Steppe borders of Russia: how the colonial empire was created. 1500–1800 / translate from English by A. Tereshchenko]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 352 p. [in Russian]

Kleitman, 2021 – *Kleitman, A.L.* (2021). Tsaritsynskaya storozhevaya liniya i voenno-politicheskie izmeneniya na yugo-vostochnykh granitsakh Rossii v 1720-kh gg. [Tsaritsyn guard line and military-political changes on the southeastern borders of Russia in the 1720s]. *Oriental studies*. Vol. 14. 5: 900-909. [in Russian]

Kolesnik, 2000 – *Kolesnik, V.I.* (2000). K voprosu o politike Tsinskoi imperii v otnoshenii vozvrashcheniya kalmykov iz Nizhnego Povolzh'ya v Dzhungariyu v 1771 g. [On the issue of the policy of the Qing Empire regarding the return of Kalmyks from the Lower Volga region to Dzungaria in 1771]. *Voprosy kraevedeniya. Vypusk 6: Materialy kraevedcheskikh chtenii, posvyashchennykh 75-letiyu Oblastnogo obshchestva kraevedov* [Problems of local history. Issue 6: Materials of local history readings dedicated to the 75th anniversary of the Regional Society of Local History]. Volgograd: Izdatel'stvo VolGU, pp. 78-80. [in Russian]

Kuryshhev, 2011 – *Kuryshhev, A.V.* (2011). Volzhskoe kazach'e voisko (1730–1804): sozdanie, razvitie i preobrazovanie v lineinye kazach'i polki [Volga Cossack army (1730–1804): creation, development and transformation into linear Cossack regiments]. Volgograd: Izdatel', 352 p. [in Russian]

Lavrinoва, 1987 – *Lavrinoва, T.I.* (1987). O propuske kalmykov cherez Tsaritsynskuyu ukreplennuyu liniyu vesnoi 1724 goda (k voprosu o znachenii Tsaritsynskoi linii v pervye gody ee sushchestvovaniya) [On the passage of Kalmyks through the Tsaritsyn fortified line in the spring of 1724 (on the question of the significance of the Tsaritsyn line in the first years of its existence)]. Volgograd: [b.i.], 12 p. [in Russian]

Lavrinoва, Lavrinov, 2000 – *Lavrinoва, T.I., Lavrinov, Yu.M.* (2000). Obostrenie voenno-politicheskoi obstanovki na Yuge Rossii v svyazi s myatezhom Vakhty Gireya Deli Sultana v Krymu v 1724–1726 gg. [The aggravation of the military-political situation in the South of Russia in connection with the rebellion of the Watch of Giray Delhi Sultan in the Crimea in 1724–1726]. *Voprosy kraevedeniya. Vyp. 6: Materialy kraevedcheskikh chtenii, posvyashchennykh 75-letiyu Oblastnogo obshchestva kraevedov* [Issues of local history. Is. 6: Materials of local history readings dedicated to the 75th anniversary of the Regional Society of Local History]. Volgograd: Izdatel'stvo VolGU, pp. 76-78. [in Russian]

Mitirov, 1998 – *Mitirov, A.G.* (1998). Oiraty – kalmyki: veka i pokoleniya [Oirats – Kalmyks: centuries and generations]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 384 p. [in Russian]

NARK – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Kalmykiya [National Archive of the Republic of Kalmykia].

Ofiterskie skazki, 2015– Ofiterskie skazki pervoi chetverti XVIII veka. Polevaya armiya. Sbornik dokumentov v 2-kh tomakh. T. 1 / Sost., vstup. st. K.V. Tatarnikova [Officer's tales of the first quarter of the 18th century. Field Army. Collection of documents in 2 volumes. Vol. 1. Comp., introductory article by K.V. Tatarnikov]. M.: Staraya Basmannaya, 2015. 1352 p. [in Russian]

Pal'mov, 2007 – *Pal'mov, N.N.* (2007). Materialy po istorii kalmytskogo naroda za period prebyvaniya v predelakh Rossii [Materials on the history of the Kalmyk people during the period of stay within Russia]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 464 p. [in Russian]

Pleshakov, Vasil'eva, 2019 – *Pleshakov, I.N., Vasil'eva, E.N.* (2019). Kazachestvo v period kolonizatsii i stanovleniya administrativnogo ustroystva Saratovskogo Povolzh'ya vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII veka [Cossacks during the period of colonization and the formation of the administrative structure of the Saratov Volga region in the second half of the 17th – early 18th centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 24. 4: 20-33. [in Russian]

Protokoly, 1887 – Protokoly, zhurnaly i ukazy Verkhovnogo tainogo soveta. 1726–1730 gg. Izdany pod redaktsiyey N.F. Dubrovina. Tom II (avgust-dekabr' 1726 g.). Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 56 [Protocols, journals and decrees of the Supreme Privy Council. 1726–1730 Published under the editorship of N.F. Dubrovin. Volume II (August–December 1726). Collection of the Imperial Russian Historical Society. Volume 56]. SPb.: tip. I.N. Skorokhodova, 1887. 646 p. [in Russian]

Prozritelev, 1990 – *Prozritelev, G.N.* (1990). Voennoe proshloe nashikh kalmykov. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1912 goda [The military past of our Kalmyks. Reprint reproduction of the 1912 edition]. Elista: Sanan, 384 p. [in Russian]

PSZRI, 1830 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii (PSZRI). Sobranie 1 (183). T. VII. 1723–1727 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (CCLRI). Collection 1. Vol. VII. 1723–1727]. St Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. kantselyarii, 934 p. T. VIII. 1728–1732 [Vol. VIII. 1728–1732]. St Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1004 p. T. IX. 1733–1736 [Vol. IX. 1733–1736]. St Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1016 p. T. X. 1737–1739 [Vol. X. 1737–1739]. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. kantselyarii, 1830. 990 p. [in Russian]

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].

Тепкеев, 2018 – *Тепкеев, V.T.* (2018). Ayuka-khan i ego vremya [Ayuka Khan and his time]. Elista: KalmNTs RAN, 366 p. [in Russian]

Toropitsyn, 2016 – *Toropitsyn, I.V.* (2016). Sluzhba kazach'ei komandy pri kalmytskikh delakh v pervoi polovine XVIII v. [Service of the Cossack team in Kalmyk affairs in the first half of the 18th century]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*. 2: 23–39. [in Russian]

Tsyuryumov, 2007 – *Tsyuryumov, A.V.* (2007). Kalmytskoe khanstvo v sostave Rossii: problemy politicheskikh vzaimootnoshenii [The Kalmyk Khanate within Russia: Problems of political relations]. Elista: Dzhangar, 464 p. [in Russian]

Tsyuryumov, 2021 – *Tsyuryumov, A.V.* (2021). Kalmytskoe khanstvo v 1724–1741 gg.: khroniki dinastiinykh mezhdousobits. 2-e izd. Otv. red. V.L. Egorov [The Kalmyk Khanate in 1724–1741: chronicles of dynastic civil strife. 2nd ed. Resp. ed. V.L. Egorov]. Elista: KalmNTs RAN, 132 p. [in Russian]

Роль Царицынской линии в истории калмыцкого народа

Евгений Владимирович Астафьев^{a, b, *}

^a Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

^b Царицынское генеалогическое общество, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается история отношений между российским населением и кочевыми народами в Среднем и Нижнем Поволжье в 1720–1770-х гг. Особое внимание уделено отношениям с калмыцким народом и участию российского правительства в его внутривнутриполитической жизни. Рассматривается опыт использования в этих отношениях в качестве мощного политического инструмента Царицынской сторожевой линии, построенной в 1718–1720 гг. по указу Петра I между реками Волгой и Доном с целью прекращения набегов крымских и кубанских татар на российские территории, ее роль в жизни и судьбе калмыков и других кочевых народов, традиционно использовавших междуречье Волги и Дона для своих кочевий. На базе массива изученных архивных документов (официальной переписки между российской администрацией и калмыцкими ханами и владельцами, отчетов чиновников Калмыцких дел, офицеров драгунских полков, несущих службу на линии и целого ряда других документов), впервые вводимых в научный оборот, исследуется практика калмыцких кочевий на российских территориях под защитой Царицынской линии. Приводятся сведения о многочисленных фактах краж, грабежей

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: info@gen-volga.ru (Е.В. Астафьев)

и убийств гражданского населения как «воровскими» калмыками, самовольно проникшими на российские территории, так и калмыками владельцев, официально допущенных кочевать «внутри» Царицынской линии. На основании анализа выявленных документов автором был составлен план границ разрешенных для калмыцких кочевий территорий, а также определены места большинства форпостов, располагавшихся вдоль границ кочевий, на которых в разные периоды времени несли службу городские казаки команды Калмыцких дел, донские и волжские казаки и казаки слободских полков.

Ключевые слова: Царицынская линия, форпосты, городские казаки, донские казаки, волжские казаки, казаки слободских полков, калмыки, кубанские татары, крымские татары, киргиз-кайсаки, башкиры, хан Аюка, ханша Дарма-Бала, хан Черен-Дондук, хан Дондук-Омбо.